

Л. Андреев

Жизнь Человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Л11

Л11 **Л. Андреев**
Жизнь Человека / Л. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-2183-8

Писатель, прозаик и драматург Леонид Николаевич Андреев - один из самых ярких представителей Серебряного века русской литературы. Его грустные, трогательные, пронзительные, глубокие произведения учат милосердию, состраданию и доброте.

ISBN 978-5-4241-2183-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л. Андреев, 2021

Леонид Андреев
Жизнь Человека

Пролог

Некто в сером, именуемый **Он**, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет – и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней Некто в сером. На Нем широкий, бесформенный серый балахон, смутно обрисовывающий контуры большою тела; на голове Его такое же серое покрывало, густою тенью кроющее верхнюю часть лица. Глаз Его не видно. То, что видимо: скулы, нос, крутой подбородок, – крупно и тяжело, точно высечено из серого камня. Губы Его твердо сжаты. Слегка подняв голову, Он начинает говорить твердым, холодным голосом, лишенным волнения и страсти, как наемный чтец, с суровым безразличием читающий Книгу Судеб.

– Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, – он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, – это жизнь Человека. Смотрите на пламень его – это жизнь Человека.

Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле. И их жестокая судьба станет его судьбою, и его жестокая судьба станет судьбою всех людей. Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, от низу к верху, от верху к низу. Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знанием, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день, грядущий час – минута. И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предначертания.

Вот он – счастливый юноша. Смотрите, как ярко пылает свеча! Ледяной ветер безграничных пространств бессильно кружится и рыскает, колебля пламя, – светло и ярко горит свеча. Но убывает воск, съедаемый огнем. Но убывает воск.

Вот он – счастливый муж и отец. Но посмотрите, как тускло и странно мерцает свеча: точно морщится желтеющее пламя, точно от холода дрожит и прячется оно. Ибо тает воск, съедаемый огнем. Ибо тает воск.

Вот он – старик, больной и слабый. Уже кончились ступени жизни, и черный провал на месте их, – но все еще тянется вперед дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синеющее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает – и гаснет тихо.

Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем. И Я, тот, кого все называют Он, останусь верным спутником Человека во все дни его жизни, на всех путях его. Не видимый Человеком и близкими его, Я буду неизменно подле, когда он бодрствует и спит, когда он молится и проклинает. В

часы радости, когда высоко воспарит его свободный и смелый дух, в часы уныния и тоски, когда смертным томлением омрачится душа и кровь застынет в сердце, в часы побед и поражений, в часы великой борьбы с непреложным – Я буду с ним. Я буду с ним.

И вы, пришедшие сюда для забавы, вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: вот далеким и призрачным эхом пройдем перед вами, с ее скорбями и радостями, быстротечная жизнь Человека.

Некто в сером умолкает. И в молчании гаснет свет, и мрак объемлет Его и серую пустую комнату.

Опускается занавес

Картина первая

Рождение человека и муки матери

Глубокая тьма, в которой все неподвижно. Как кучка серых притаившихся мышей, смутно намечаются серые силуэты Старух в странных покрывалах и очертания большой высокой комнаты. Тихими голосами, пересмеиваясь, Старухи ведут беседу.

Разговор старух

– Хотелось бы мне знать, что родится у нашей приятельницы: сын или дочь?

– А разве вам не все равно?

– Я люблю мальчиков.

– А я люблю девочек. Они всегда сидят дома и ждут, когда к ним приходишь.

– А вы любите ходить в гости?

Старухи тихо смеются.

– Он знает.

– Он знает.

Молчание.

– Приятельнице нашей хотелось бы иметь девочку. Она говорит, что мальчики слишком буйны нравом, предприимчивы и ищут опасности. Когда они еще маленькие, они любят лазить по высоким деревьям и купаться в глубокой воде. И часто падают и часто тонут. А когда становятся они мужчинами, они устраивают войны и убивают друг друга.

– Она думает, что девочки не тонут. А я много-таки видела утонувших девочек, и были они, как все утопленники: мокрые и зеленые.

– Она думает, что девочек не убивают камни!

– Бедная, ей так тяжело рожать. Вот уже шестнадцать часов сидим мы здесь, а она все кричит. Сперва она кричала звонко, так что больно было ушам от ее крика, потом тише, а теперь только хрипит и стонет.

– Доктор говорит, что она умрет.

– Нет, доктор говорит, что ребенок будет мертвый, а она сама останется жива.

– Зачем они рожают? Это так больно.

– А зачем они умирают? Это еще больнее.

Старухи тихо смеются.

– Да. Рожают и умирают.

– И вновь рожают.

Смеются. Слышен тихий крик страдающей женщины.

– Опять началось.

– У нее снова появился голос. Это хорошо.

– Это хорошо.

– Бедный муж: он так растерялся, что на него смешно смотреть. Прежде он радовался беременности жены и говорил, что хочет мальчика. Он думает, что сын его будет министром или генералом. Теперь он ничего не хочет, ни мальчика, ни девочки, и только мечется и плачет.

– Когда у нее начинаются схватки, он тужится сам и краснеет.

– Его послали в аптеку за лекарством, а он два часа ездил мимо аптеки и не

мог вспомнить, что ему надо. Так и вернулся.

Старухи тихо смеются. Крик становится сильнее и замирает. Тишина.

– Что с нею? Быть может, она уже умерла?

– Нет. Тогда бы мы слышали плач. Тогда вбежал бы сюда доктор и стал бы говорить пустяки. Тогда бы внесли сюда ее мужа, потерявшего чувство, и нам пришлось бы поработать. Нет, она не умерла.

– Тогда зачем же мы здесь сидим?

– Спросите у Него. Разве мы знаем?

– Он не скажет.

– Он не скажет. Он ничего не говорит.

– Он помыкает нами. Он поднимает нас с постелей и заставляет сторожить, а потом оказывается, что и приходиться не надо было.

– Мы сами пришли. Разве мы не сами пришли? Нужно быть справедливыми. Вот она снова кричит. Разве вам мало этого?

– А вы довольны?

– Я молчу. Я молчу и жду.

– Какая вы добрая!

Смеются. Крики становятся сильнее.

– Как она кричит! Как ей больно!

– Вы знаете эту боль? Точно разрываются внутренности.

– Мы все рожали.

– Как будто это не она. Я не узнаю голоса нашей приятельницы. Он такой мягкий и нежный.

– А это скорее похоже на вой зверя. Чувствуется ночь в этом крике.

– Чувствуется бесконечный темный лес, и безнадежность, и страх.

– Чувствуется одиночество и тоска. Разве возле нее нет никого? Почему нет других голосов, кроме этого дикого вопля?

– Они говорят, но их не слышно. Вы замечали, как одинок всегда крик человека: все говорят, и их не слышно, а кричит один, и кажется, что все другое молчит и слушает.

– Я слышала раз, как кричал человек, которому смяло экипажем ногу. Улица была полна народу, а казалось, что он только один и есть.

– Но это страшнее.

– Громче, скажите.

– Протяжнее, пожалуй.

– Нет, страшнее. Здесь чувствуется смерть.

– И там чувствовалась смерть. Он и умер.

– Не спорьте! Разве вам не все равно?

Молчание. Крик.

– Как странно кричит человек! Когда самой больно и кричишь, ты не замечаешь, как это странно – как это странно.

– Я не могу представить себе рта, который издает эти звуки. Неужели это рот женщины? Я не могу представить.

– Но чувствуется, что он перекоксился.

– В какой-то глубине зарождается звук. Теперь это похоже на крик утопающего. Слушайте, она захлебывается!

– Кто-то тяжелый сел ей на грудь!

– Кто-то душит ее!
 Крики смолкают.
 – Наконец-то умолкла. Это надоедает. Крик так однообразен и некрасив.
 – А вы и тут хотели бы красоты, не правда ли?
 Старухи тихо смеются.
 – Тише! Он здесь?
 – Не знаю.
 – Кажется, здесь.
 – Он не любит смеха.
 – Говорят, что Он смеется сам.
 – Кто это видел? Вы передаете просто слухи: о Нем так много лгут.
 – Он слышит нас. Будем серьезны!
 Тихо смеются.
 – А все-таки я очень хотела бы знать, будет ли мальчик или девочка?
 – Правда, интересно знать, с кем будешь иметь дело.
 – Я бы желала, чтобы оно умерло, не родившись.
 – Какая вы добрая!
 – Не добрее, чем вы.
 – А я бы желала, чтобы оно было генералом.
 Смеются.
 – Вы уж слишком смешливы! Мне это не нравится.
 – А мне не нравится, что вы так мрачны.
 – Не спорьте! Не спорьте! Мы все и смешливы и мрачны. Пусть каждая будет, как она хочет.
 Молчание.
 – Когда они рождаются, они очень смешные. Смешные детеныши.
 – Самодовольные.
 – И очень требовательные. Я не люблю их. Они сразу начинают кричать и требовать, как будто для них все уже должно быть готово. Еще не смотрят, а уже знают, что есть грудь и молоко, и требуют их. Потом требуют, чтобы их уложили спать. Потом требуют, чтобы их качали и тихонько шлепали по красной спинке. Я больше люблю их, когда они умирают, тогда они менее требовательны. Протянется сам и не просит, чтобы его укачивали.
 – Нет, они очень смешные. Я люблю обмывать их, когда они рождаются.
 – Я люблю обмывать их, когда они умерли.
 – Не спорьте! Не спорьте! Всякой будет свое: одна обмоет, когда родится, другая – когда умрет.
 – Но почему они думают, что имеют право требовать, как только родятся?
 Мне не нравится это.
 – Они не думают. Это желудок требует.
 – Они всегда требуют!
 – Но ведь им никогда и не дают.
 Старухи тихо смеются. Крики за стеной возобновляются.
 – Опять кричит.
 – Животные рожают легче.
 – И легче умирают. И легче живут. У меня есть кошка: если бы видели, какая она толстая и счастливая.

– А у меня собака. Я ей каждый день говорю: ты умрешь! – а она осклабляет зубы и весело вертит хвостом.

– Но ведь они – животные.

– А это – люди.

Смеются.

– Либо она умирает, либо родит. Чувствуются последние силы в этом вопле. Вытаращенные глаза...

– Холодный пот на лбу...

Слушают.

– Она родит!

– Нет, она умирает.

Крики обрываются.

– Я вам говорю...

Некто в сером (говорит звучно и властно). Тише! Человек родился.

Почти одновременно с Его словами приносится крик ребенка, и вспыхивает свеча в Его руке. Высокая, она горит неуверенно и слабо, но постепенно огонь становится сильнее. Тот угол, в котором неподвижно стоит **Некто в сером**, всегда темнее других, и желтое пламя свечи озаряет его крутой подбородок, твердо сжатые губы и крупные костистые щеки. Верхняя часть лица скрыта покрывалом. Ростом Он несколько выше обычного человеческого роста. Свеча длинная, толстая, вправлена в подсвечник старинной работы. На зелени бронзы выделяется Его рука, серая, твердая, с тонкими длинными пальцами.

Медленно светлеет, и из мрака выступают фигуры пяти сторбленных **Старух** в странных покрывалах и комната. Она высокая, правильно четырехугольная, с гладкими одноцветными стенами. Впереди и направо по два высоких восьмистольных окна, без занавесок; в стекла смотрит ночь. У стен стоят стулья с высокими прямыми спинками.

Старухи (торопливо). Слышите, как забегали! Идут сюда.

– Как светло! Мы уходим.

– Смотрите, свеча высока и светла.

– Мы уходим! Мы уходим! Скорее!

– Но мы придем! Но мы придем!

Тихо смеются и в полумраке странными, зигзагообразными движениями ускользают, пересмеиваясь. С их уходом свет усиливается, но в общем остается тусклым, безжизненным, холодным; тот угол, в котором недвижимо стоит **Некто в сером** с горящей свечой, темнее других.

Входит **Доктор** в белом больничном балахоне и **Отец Человека**. Лицо последнего выражает глубокое утомление и радость. Под глазами синие круги, щеки впали, волосы в беспорядке. Одет очень небрежно. У Доктора очень ученый вид.

Доктор. До последней минуты я не знал, останется ли в живых ваша жена или нет. Я употребил все искусство и знание, но наше искусство значит так мало, если не приходит на помощь сама природа. И я очень волновался, у меня и сейчас так бьется пульс. Уже стольком детям я помог явиться на свет, но и до сих пор я не могу отделаться от волнения. Но вы не слушаете меня, сударь.

Отец человека. Я слушаю, но ничего не слышу. До сих пор у меня стоит в ушах ее крик, и я плохо понимаю. Бедная, как она страдала! Безумный, глупый,

я так хотел иметь детей, но теперь я отказываюсь от этого преступного желания.

Доктор. Вы еще позове меня, когда родится у вас следующий.

Отец. Нет, никогда. Мне стыдно сказать, но я сейчас ненавижу ребенка, из-за которого она столько страдала. Я даже не видал его, какой он?

Доктор. Он хорошо упитанный, крепкий мальчик и, если не ошибаюсь, похож на вас.

Отец. Похож на меня? Как я счастлив! Теперь я начинаю любить его. Мне всегда хотелось, чтобы у меня родился мальчик и был похож на меня. Вы видели: у него такой нос, как мой, не правда ли?

Доктор. Да, нос и глаза.

Отец. И глаза? Это так хорошо! Я вам заплачу больше, чем назначил.

Доктор. Вы должны мне заплатить особо за щипцы, которые я накладывал.

Отец (обращаясь к тому углу, где неподвижно стоит Он). Боже! Благодарю тебя за то, что ты исполнил мое желание и дал мне сына, похожего на меня. Благодарю тебя за то, что не умерла моя жена и жив ребенок. И прошу тебя: сделай так, чтобы он вырос большим, здоровым и крепким, чтобы он был умным и честным и чтобы никогда не огорчал нас: меня и его мать. Если ты сделаешь так, я всегда буду верить в тебя и ходить в церковь. Теперь я очень люблю моего сына.

Входят родственники. Их шестеро. Необыкновенно толстая **Пожилая дама** с отвисшим подбородком и маленькими надменными глазками, чрезвычайно важная и гордая. **Пожилой господин**, ее муж, очень длинный и необыкновенно худой, так что платье висит на нем. Козлиная острая бородка, длинные, до плеч, гладкие, точно намоченные, волосы и очки; смотрит испуганно и в то же время поучительно; в руке держит шляпу – низкий черный цилиндр. **Молоденькая девушка**, их дочь, с наивно вздернутым носиком, мигающими глазами и открытым ртом. **Худая дама**, имеющая крайне угнетенный и кислый вид; в руках держит носовой платок и часто вытирает им рот. **Двое юношей** совершенно торжественных; необыкновенно высокие воротнички, вытягивающие шею, прилизанные волосы, выражение недоумения и растерянности. Все указываемые свойства в каждом из обладателей их достигают крайнего развития.

Пожилая дама. Позволь, дорогой брат, поздравить тебя с рождением сына. (Целует его.)

Пожилой господин. Позволь, дорогой родственник, сердечно поздравить тебя с рождением столь долго ожидаемого сына. (Целует.)

Остальные. Позвольте нам, дорогой родственник, поздравить вас с рождением сына. (Целуют.)

Доктор уходит.

Отец (очень растроганный). Благодарю вас! Благодарю вас! Все вы очень хорошие, очень добрые и милые люди, и я очень люблю вас. Прежде я сомневался и думал, что ты, дорогая сестра, несколько занята собой и своими достоинствами, а вы, милый зять, несколько педантичны. И про остальных я думал, что они холодны ко мне и ходят только обедать, но теперь я вижу, что ошибался. Я очень счастлив: у меня родился сын, похожий на меня, и кроме того, я сразу вижу столько хороших, любящих меня людей.

Целуются.

Молодая девушка. Как вы назовете сына, дорогой дядя? Мне бы очень хоте-

лось, чтобы это было красивое, поэтическое имя. Так много зависит от того, как зовут человека.

Пожилая дама. Я бы желала, чтобы это было простое и солидное имя. Люди с красивыми именами всегда очень легкомысленны и редко успевают в жизни.

Пожилой господин. Мне кажется, что вам, дорогой шурин, следовало бы наречь сына по имени какого-нибудь из старших родственников. Это продолжит и укрепляет род.

Отец. Да, мы с женой уже думали об этом, но не могли решить. Вообще с рождением ребенка приходит столько новых мыслей и забот!

Пожилая дама. Это наполняет жизнь.

Пожилой господин. Это ставит прекрасную цель для жизни. Воспитывая ребенка, устранив от него те ошибки, жертвой которых мы были, укрепляя его ум нашим собственным богатым опытом, мы таким образом создаем лучшего человека и медленно, но верно движемся к конечной цели существования – к совершенству.

Отец. Вы совершенно правы, уважаемый зять. Когда я был маленьким, я очень любил мучить животных, и это развивало во мне жестокость. Моему сыну я не позволю мучить животных. Уже будучи взрослым, я часто ошибался в дружбе и любви: избирал недостойных друзей и вероломных женщин. Моему сыну я объясню...

Доктор (входит и громко говорит). Сударь, вашей жене очень плохо. Она хочет видеть вас.

Отец. Ах, боже мой! (Уходит вместе с доктором.)

Родственники садятся полукругом и некоторое время торжественно молчат. В углу, обратив к ним каменное лицо свое, неподвижно стоит **Некто в сером**.

Разговор родственников

– Ты не думаешь, милая жена, что наша родственница может умереть?

– Нет, я не думаю это. Она очень нетерпеливая женщина и придаст много значения своим болям. Все женщины рожают, и никто не умирает. Я сама рожала шесть раз.

– Но она так кричала, мама!

– Да, у нее на лице кровоподтеки от крика. Я обратил на это внимание!

– Это не от крика. Это оттого, что надо тужиться. Ты этого не понимаешь. У меня у самой были кровоподтеки, однако я не кричала.

– Одна моя знакомая, жена инженера, рожала недавно и тоже почти не кричала.

– Я не знаю жены инженера. Напрасно брат так беспокоится: нужно быть тверже и смотреть на вещи спокойнее. Я боюсь, что и в воспитание ребенка он внесет много фантазерства и распущенности.

– Он очень безвольный человек. У него у самого так мало денег, а он дает займы людям, не заслуживающим доверия.

– Вы знаете, сколько стоило для ребенка белье?

– Не говорите, меня так огорчает легкомыслие брата. Мы часто спорим с ним по этому поводу.

– А говорят, что бебе приносит аист. Какой же это аист!

Молодые люди одновременно фыркают.